

— Ну, допустим, резюме твое я уже видел. Ты давай в двух словах о себе, так оно быстрее дело пойдет, — замдиректора автобусного парка Селиванов отложил куцый листок с моим резюме и уставился на меня холодными пронизательными глазами. Седая шевелюра и такого же пепельного цвета брови придавали ему внушительный, грозный вид, вдобавок к этому зычный бас и широкие ладони довершали такую картину.

— Петров Роман Викторович. 36 лет. Месяц назад уволился с контрактной военной службы в звании старшего сержанта. Служил в бригаде особого назначения, в автобате. Имею водительские права всех категорий, стаж безаварийного вождения более десяти лет, на руках имею медицинское заключение, служебную характеристику с места службы. Жильем обеспечен. Не женат. Не злоупотребляю. Ищу работу.

— От как! Краткость — сестра таланта! Хвалю! Значит в спецназе служил, старшой? Там... не бывал? — Селиванов многозначительно посмотрел на меня.

— Не довелось.

— Ну это и неплохо. Я ничего против ветеранов боевых действий не имею, сам через Афган прошел. Но... публика у нас нынче нервная, с ними хладнокровие нужно и трезвый расчет. Людей перевозить доводилось?

— Последние пять лет этим и занимался.

— Ну что ж, Роман. Повезло тебе можно сказать. Вовремя ты подоспел, вакансий у нас почти и нет, так что берем тебя на пригородный маршрут номер 109. Давай в кадры, там тебя Татьяна Александровна оформит, а потом к завгару Михалычу. Он тебе уже машину покажет, начнешь принимать. Там пока, суть да дело, оформление документов, прочая мура, инструктажи всякие, а с понедельника уже на линию. Поедешь стажером со Степаненко пару дней, а там видно будет.

Мы обменялись крепкими рукопожатиями, и я вышел из обшарпанного кабинета, с силой притворив рассохшуюся дверь.

— А вот и он, красавец. — Завгар Михалыч подвел меня к моему будущему автобусу. — Машина зверь. Мерседес, что ты хочешь! Да, старенький. Да, латаем дыры порой, но это ж немцы. Они умеют делать. Навека!

Я осмотрел техническое состояние транспорта, ознакомился с документацией, проехал круг по парку.

— Ну ты молоток, сразу и оседлал мустанга! — охочий до разговором Михалыч сидел рядом и рот его не умолкал. — Ну все, сержант, завтра в бой можно. А сейчас идем, я тебя с твоей сменой познакомлю. Юлька-Юла, только ты с ней поаккуратнее. Она вообще без тормозов. Тут к ей давеча Николка Бобыль клеился, так она ему нахороше по яйцам треснула. Пришлось в травму везти, ушиблевого яичка. Ей, канечн, для порядку выговор объявили, за нарушение трудовой дисциплины, но все же понимают, Николка сам виноват. Нечего к замужней бабе-то при всех клеиться.

За разговорами мы подошли к импровизированной беседке-курилке, а попросту обычному навесу у стены гаража, где лысеющий улыбчивый мужик лет пятидесяти травил байки перед двумя женщинами. Одна была постарше, длинные волосы заплетены в толстую черную косу.

Миндалевидный разрез глаз намекал на ее северные или азиатские корни. Другая была гораздо моложе, имела довольно эпатажный вид, и что-то мне подсказывало, что мне как всегда «повезло с напарником». Молодая девушка была невысокого роста и имела худощавую фигуру подростка. Волосы на затылке и висках были выбриты с узором, на лицо спадала длинная светлая челка, которую она все время поправляла. В носу была сережка, а уши были проколоты в разных местах и усыпаны самыми разнообразными украшениями: колечками да шипами. Глаза ее были бледно серые, будто выцветшие и глядели на меня из-под длинных черных ресниц оценивающе и даже нагло. Курносый нос, маленькие пухлые губки, на тонкой шее цепочки с какими-то кулонами, пальцы так же унизаны разными кольцами — серебряными или из какого-то белого металла. Правое предплечье было разрисовано татуировкой.

— Доброго дня! — проголосил Михалыч. — Вот, значиц, принимайте пополнение на маршрут. Роман Петров, человек опытный, что сразу видно, служивый.

Я поздоровался, кивнул женщинам и пожал руку мужчине, а Михалыч нас знакомил: Это Юля, с ней работать будете, — завгар указал на неформальную девушку. — А это сменщики Ваши на сто девятом Гена Степананко и Марианна. Общайтесь, знакомьтесь, а я почапал, заначиц. Завтра Рома с Вами стажером выступает. Ну, будь здоров! — Михалыч пожал мне руку и ушел в гараж.

Женщины негромко заговорили о чем-то, а Гена отбросив сигарету, позвал меня за собой: — Пойдем, расскажу про маршрут.

Прошли несколько дней моей стажировки, в процессе которой я в принципе понял, что работа знакома и сложного ничего в ней нет. С понедельника мы с Юлей выходили на самостоятельный маршрут. быстро проехать, а где лучше черепахой, чтоб после предыдущего рейса людей чуть больше накопилось. Какие-то фишки мне Юля рассказывала, что-то накануне от сменщика своего Степаненко узнал, о чем-то сам допёр. Когда приехали в автопарк на часах почти полночь была. — Ну давай, пока, до пятницы, — попрощалась со мной Юля, когда я заглушил мотор и сладко потянулся, разминая затекшие плечи. Заметив, что девушка не торопится домой, я поинтересовался:

— А ты что, домой не идешь?

— Ну, у тебя смена закончилась, а мне еще салон мыть. Правило такое.

— Так давай чем помогу?

— Оно тебе надо? У нас водители этим не занимаются.

— Ну, мы ж экипаж... машины боевой, — я улыбнулся и дал понять, что уходить пока не собираюсь.

Юля задумчиво посмотрела на меня, красивые все-таки у нее были глаза, и потом так же задумчиво сказала:

— Ну, пойдем, поможешь ведро с водой принести.

Вдвоем мы управились гораздо быстрее, да и напарница моя повеселела, что-то рассказывала, щебетала без умолку.

Выяснилось, живет она в пяти минутах от парка, и я вызвался проводить девушку до дома, все-таки ночь на дворе, мало ли. Юля ответила, что всегда управлялась сама в таких ситуациях и на всякий случай носит в сумочке кастет (и вправду носила, она мне потом показывала), но если мне так хочется, то могу и пройтись с ней до подъезда, да и идти нам в

одну сторону.

По пути зашли в ларек, купили по бутылочке пива (в те времена алкоголь еще можно было круглосуточно купить), присели на ограду в скверике около ее дома, Юля закурила, мелькая в потемках алым угольком сигареты и освещая при каждой затяжке свое лицо алым светом.

Мы болтали о том, о сем. Она рассказала, что муж моряк, часто уезжает в рейс, а она коротает дни и ночи одна. Родственников в городе не было — сама приезжая, в колледже тут училась, да так и осталась. Я немного рассказал о себе, о службе. Когда допили пиво, постояли еще немного, и Юля отправилась домой, а я смотрел ей в след и улыбался.

Так началась моя работа водителем пригородного 109-го. В чем-то негативные отзывы Юли о маршруте и оправдались, а в чем-то она явно преувеличивала. Я по крайней мере относился к этой работе, как к любой другой и увольняться пока не намеревался. Ни после аванса, который и вправду был неожиданно маленьким, ни после зарплаты. Тут Юлька и припомнила свое обещание.

— А ты Ромка молодец! Держишься, не сбежал. Давай вечером с нами, ребята уже шашлык за гаражом жарят. Заодно и в коллектив вольешься. Мы так порой собираемся в день зарплаты, когда тепло и погода позволяет.

За гаражом и правда была оборудована беседка с широкими лавками, от мангала шел приятный аромат, народу было человек двадцать, многих я уже знал.

Посидели тогда неплохо, выпили, пообщались, насмеялись вдоволь, песни под гитару пели. Ашот, водитель с 31-го приготовил обалденный плов ну и шашлык конечно!

Юлька, девчонка была компанейская, то тут, то там мельтешила, просто гвоздь программы и главный заводила!

Домой возвращались за полночь, привычным маршрутом, по пути взяли пива, шлифануть уже выпитое крепкое. Остановились у того же дворика, Юлька замигала сигаретным огоньком, прихлебывая пиво и что-то рассказывая мне. А у меня на душе так хорошо было, блаженно. Улыбался, ее слушал, на звезды глядел, пиво пил.

Вдруг она щелчком окурочку откинула, придела передо мной на корточки и пока я успел понять что к чему, девушка уже расстегнула у меня ремень на джинсах, пуговицу, молнию, стянула немного и взяла моего молодца в рот. Он конечно от прикосновения жарких девичьих губ вмиг набухать начал, твердеть, а Юлька свое дело знала, язычком его ворошила и губками причмокивала, я даже застонал от удовольствия!

— Хорошо тебе? — она глянула на меня снизу вверх, сверкнув в темноте белками глаз, и когда я кивнул, губы девушки снова мягко обхватили головку и принялись за начатое дело.

В минуте Юлька знала толк, в этом я убедился в следующие несколько минут, пока она ласкала мой вздыбившийся член, то поглаживая пальцами, то проводя языком по всему стволу, то заглатывая его почти целиком и перекатывая в руке яички, но в то же время держала меня в определенном тонусе, каждый раз чуть-чуть не доводя до финала.

Затем девушка встала, утерев рукой влажный рот, взяла меня за локоть и потащила на несколько шагов куда-то в темноту.

Элемент детской площадки в виде ветхого деревянного теремка с лесенкой и горкой укрыл нас от Юлькиной пятиэтажки и она развернулась ко мне спиной одновременно расстегивая ширинку и стягивая свои тесные джинсы. В темноте забелели ягодицы, весьма упругие и аппетитные для худощавой девушки, а моя напарница уже приставляла член к своей щелочке, прогибаясь в пояснице и подаваясь ему навстречу. Я обхватил девушку за бедра и

вошел в темную норку с небольшим натягом. Юля резко выдохнула с протяжным стоном.

— Дава-а-ай!

От интенсивного ритма я с шлепками врезался в ее ягодицы, но кажется девушку это только распалило. Иногда она сжимала член внутри себя мышцами влагалища, что двигаться становилось еще теснее, но он этого ощущения были более острыми.

Когда я достиг апогея и вынул член, она прошипела:

— Кончай в меня.

— Не! — выдохнул я запыхавшимся голосом и брызнул ей на поясницу.

Кончил я бурно, несколько струй испачкали низ Юлькиной футболки. Густые капли ручейком стекали по ее копчику в ложбинку между ягодиц. Юля постояла вцепившись в деревянные перекрытия горки-теремка и низко опустив голову еще с пару минут после чего распрямилась, натянула джинсы прямо на мокрую попку и повернувшись поцеловала меня в губы. Целуя меня, она снова поймала рукой уже опадающий член и проигралась немного головкой, вымазав свои тонкие пальцы оставшейся спермой. Облизнув перепачканные пальцы, и глядя мне в глаза, она улыбнулась и сказала!

— Спасибо! Ты — огонь просто. Давно так не было.

Привстав на цыпочки, Юля звучно чмокнула меня в щеку и спешно пошла к дому, на ходу бросив:

— Пока Ромка! Спасибо тебе!

Я быстро убрал хозяйство, застегнулся и пошел неторопливо к себе, обдумывая произошедшее, или просто наслаждаясь волнительным моментом, эйфорией и предвкушением чего-то приятного, чудесного.

Мы встретились через день, на смене. Я издали заметил ее худую фигурку, стремительно летящую к нашему автобусу. На девушке была короткая бежевая юбка и желтый топик на тонких лямках.

Я весь выходной накануне думал, о том, что было между нами и как теперь себя вести с Юлей. А она сразу налетела на меня, сверкая молниями из своих серых глаз.

— Почему не позвонил ни разу?

— Да как-то... не знаю. Привет! А ты почему?

— А что я? Не учили, что мужчина должен первым звонить, а?

— Ну блин. Фиг знает. Подумал, вдруг ты не одна?

— А-а! — вдруг успокоилась напарница и погрузилась. — Одна конечно, Марик из рейса еще не скоро приедет. А я... , — она не договорила и вдруг подошла почти вплотную ко мне, на меня повеяло приятным запахом ее тела.

— Дай руку?

Я протянул, она взяла. Ее теплые ладошки были влажными и от прикосновения у меня по телу побежали мурашки, а в брюках пробудился молодец, начиная раздуваться от возбуждения.

Юля посмотрела мне прямо в глаза и сказала:

— Сюрприз тебе!

И вдруг сунула мою руку себе под юбку, прямо между ног, немного расставив бедра. На ней не было трусиков и пальцы коснулись гладкой кожи и нежной плоти женских прелестей. Губки девушки были слегка приоткрыты, и я ощутил, что они довольно влажные, а Юлька (вот зараза) уже убрала мою руку, и как ни в чем не бывало, упорхнула в салон, бросив через

плечо в своей обычной манере:

— Ну, поехали! Кого ждем-то?

Я усилием воли справился с нахлынувшим возбуждением и погасив разгорающееся внутри пламя завел мотор, плавно трогая машину с места.

Смена выдалась тяжелой, постоянно был полный салон, мы даже пяти минут вдвоем наедине не были, я только и успевал поймать в зеркале лукавый взгляд Юльки и проводить ее виляющую в миниюбке попку. К вечеру я был на диком взводе. Юлька еще дразнила, сядет на свое излюбленное кресло, коленки в полуметре от меня, и ножки немного раздвинет. Тяжело удержаться, особенно когда знаешь ее маленькую тайну. Я так понял, она или решила мне испытание устроить, или поиграться, ну я и принял правила игры. Смеется ведь тот, кто смеется последним, меня этому еще в учебке замкомвзвода научил. Вот я и не спешил смеяться первым, просто наметил свой план действий, ему и следовал. А последний рейс так и вовсе полз медленно, как черепаха, ссылаясь на неисправность в двигателе. Зато мы вернулись в парк на полчаса позже обычного, и кроме сторожа там уже никого не было. Я поставил автобус на штатное место, заглушил мотор, а тут и Юлька-Юла появилась. Ничего не говоря, протиснулась между мной и рулевым колесом иоседлала меня. Мы были лицом к лицу, поясницей Юля упиралась в руль, а ее короткая юбочка и широко расставленные бедраоткрывали мне превосходный доступ к той самой пироженке, о которой я думал весь день. Тем временем напарница уже расстегивала на мне ширинку, прихватывая нетерпеливыми пальчиками возбужденного молодца. Я тоже не стал теряться, провел ладонями по внутренней стороне бедер, кожа девушки была гладкая, приятная. Когда руки, продвигаясь вверх, достигли той самой точки, я раздвинул губки большими пальцами и скользнул к клитору. Юля замерла от этого прикосновения, подалась навстречу, а я один палецпогрузил в девичью норку и пошевелил там, не прекращая другим нежно массировать ее сладкую ягодку. Юлька сладко заурчала, прикрыв веки, ивернулась к начатой процедуре с ширинкой. Освободив моего изголодавшегося зверя, она оголила головку и провела по ней большим пальцем. Член был влажным, но Юлька сделала губы трубочкой и пустила не него тонкую струйку слюны, метко попавшую в цель, после чего подхватила ее пальчиками и размазала по стволу.

— Войди в меня! — проурчала она и сама придвинулась ближе, насаживаясь на увлажненный член. Я тут же ощутил то приятное чувство погружения в женскую норку. Юля начала неторопливо раскачиваться, словно подбирая нужный ритм и угол наклона. Обвив меня за шею руками она приблизила свои губы к моим. От нее пахло мятной жвачкой, а через секунду маленький язычок уже бесцеремонно хозяйничал у меня во рту. Юля покачивалась на мне, доставляя нам обоим приятное ощущение. Прервавпоцелуй, она откинулась назад и практически легла спиной на руль. Теперь угол проникновения изменился, и член уже погружался в нее теснее, движения стали резче, ощущения ярче, темп нарастал. Мне приходилось придерживать молодца рукой, чтоб не выскользнул в таком положении. В салоне было темно, и нас освещал лишь свет уличного фонаря. Юлька выгибалась в пояснице, на ее груди под натянутой маечкой выпирали небольшие бугорки, маня и притягиваемой взор. Свободной рукой я провел по одному и легонько сжал, пытаюсь нащупать сосок. Юля вдруг ойкнула, прекратила движения и посмотрела на меня прикусив нижнюю губу.

— Тише. Больно же.

— Я вроде не сильно. Извини.

— Ничего. Просто у меня пирсинг в сосках. А ты прижал там.

— Да ладно! Шутишь?

— Нет!

— Хочу увидеть это чудо!

Меня никогда особо не заводили ни татуировки, ни пирсинг, но вот с Юлькой как-то все по-другому происходило. Я и так был возбужден, но вот это откровение еще больше распалило мою фантазию. Да Юлька и сама не жадная была. Тут же стянула через голову топик (а лифчика на ней уже и не было, хотя на смене-то в нем была, когда снять успела?) и неспешно возобновила приятные движения на моем члене.

Я провел по белеющей в сумерках коже уже более аккуратно. Грудки были маленькие, а в центре на белом полотне кожи отчетливо темнели соски, горизонтально пробитые тускло блестящими металлическими украшениями. Я наклонился и провел языком по коже до соска, взяв его в рот и пососав. Вот рту я ощущал горячую, шероховатую плоть и гладкую металлическую втулку, которая свободно перемещалась в проколе. Юля застонала и сжала пальчики на моих плечах. Ей понравилась эта ласка, да и для меня эти ощущения были в новинку, будоражили и возбуждали. Я игрался с ее сосками, стараясь быть нежным и не причинить боль. Терял во рту металлические «болтики», легонько вытягивал их вместе с сосочками. Кожа девушки была теплой, приятной на вкус, волнующей, желанной. Наше спонтанное соитие приближалось к апогею, я ощущал это нарастающим ураганом в паху, да и Юля дышала все интенсивнее и все сильнее вцеплялась пальцами в мои руки.

— Я хочу, чтоб мы кончили вместе! — шепнула она.

— Я уже награни! — ответил я. — Долго не продержусь!

— Дер... жись! Я... аххх... скоро! Сейчас... Умммм!

— Я почти. Не успею вытащить!

— Не вынимай! В меня! Хочу!

Юлька прижалась ко мне всем телом, вздрагивая и жарко выдыхая в шею. Тесно обхватив меня ногами, она напрягла мышцы бедер, и я ощутил пульсацию внутри нее. Член упирался в ее плоть где-то очень глубоко, и шансов вытащить его уже не было, как и сдерживать оргазм. Я расслабился и выпустил в нее свое семя, ритмично подталкивая член еще глубже, чтоб разрядка была более полной и приятной.

Мы долго сидели, тесно обнимаясь друг с другом. Мои ладони касались ее влажной спины. Сосочки с металлическими вставками вжимались в мою грудь, я ощущал это через свою тонкую футболку.

— Ты — чудо! — Юля посмотрела мне в лицо и поцеловала в губы долгим сладким поцелуем. Мой молодец на удивление после оргазма не опал и был достаточно тверд. Юля легонько покачивалась на нем.

— А ты рискованная женщина, — ответил я ей.

— Почему? — шепнула Юля, раскачиваясь на члене и снова набирала темп.

— Потому что кончил в тебя.

— А! Не переживай. У меня спираль стоит. Мы с мужем пока не готовы к детям. А трахаться любим. Вот и решили. И я... хочу тебя снова.

Я второй раз не кончил, так быстро не восстановился, а перевозбужденная Юлька еще один оргазм словила достаточно быстро, снова стиснув мои ноги бедрами и вонзив свои ноготки

мне в спину.

— Класс! — вымолвила она, отдышавшись и попыталась встать, однако колени подогнулись, и Юля снова плюхнулась попкой мне на колени. — Черт, аж ноги не держат! Вот так я люблю трахаться! Опираясь о рулевое колесо и мое плечо девушка все-таки выбралась и села рядом на свое импровизированное кресло. Натянув маечку, она пошарила в своей сумочке что-то достав оттуда встала.

— Пойду, приведу себя порядок и перекурю это дело. А то по бедрам уже вытекает!

Я понимающе кивнул и открыл переднюю дверь.

Так и проходили наши рабочие будни. Иногда мы с Юлькой хулиганили, придумывая разные способы и возможности, а чаще просто флиртовали и подначивали друг друга. Она могла тайком снять свои трусики и когда салон почти пустой кинуть в меня ими. Могла приподнять подол, показывая попку и отсутствие белья, иногда, на конечной, во время пятнадцатиминутной кофе-паузы она отставляла свой стаканчик с капучино и делала мне минет, проглотив порцию мужских сливок и запив это остывающим кофе. Потом вернулся из рейса ее муж и мы как-то не сговариваясь прекратили наш интим.

В одну смену Юля утром очень опоздала. Это грозило лишением премии. Завидев ее я завел мотор, и едва она вскочила на ступеньку резко тронулся недовольно буркнув:

— У тебя чего, будильника нет?

— Ну, блин, Ромочка, извини, так получилось! Я не виновата!

— Сама же знаешь, от графика отстаем!

Тут еще как назло переезд закрыли. Я встал перед шлагбаумом и заглушил двигатель.

— Да это все Марик, черт рогатый! Приспичило ему, видите ли, с утра. Прямо в прихожей загнул и начал трахать. Да еще долго так, я уже два раза кончить успела, а он пыхтит и все никак. Говорю, давай в рот возьму, а он ни в какую, еще и кончил в меня. Я, блин смотрю, время уже, трусики натянула и бегом на работу, даже подмыться не успела. Ну ты посмотри!

— сидящая рядом Юлька раздвинула ноги, на оранжевых трусиках в промежности расплзлось мокрое пятно. — Совсем ума нет у человека. Юля как в порядке вещей стянула мокрое белье и промокнула им гладко выбритые розовые губки.

— Ты извини, я уж так сегодня, по-боевому! У тебя влажных салфеток нет?

Я притянул напарнице упаковку, тем временем проходящий поезд мелькнул последним вагоном, открыли переезд, и я снова завел мотор. Но конечно после Юлиных откровений конец мой вздулся и упирался в тесные джинсы.

— Ты извини, что я все это тебе рассказала. Я как-то не подумав.

Мы подъезжали к первой остановке, на которой толпились заждавшиеся пассажиры. Юля стояла практически рядом со мной. Уже подруливая к обочине я опустил вниз правую руку и проведя у Юли между ног нырнул к ней под юбку, коснувшись губ и пропихнув в нее указательный палец. Девушка вздрогнула от неожиданности, а я уже убрал руку и нажимал кнопки открытия дверей. Все это произошло за какие-то три секунды.

— Работай! — беззлобно подтолкнул я замершую девушку.

Она обернулась, презрительно сощурив глаза, в которых читалось «Ах так?! Ну лаадно!» и кинула мне на ширинку скомканные мокрые трусики, которые держала в руке.

— В тряпки возьми! Пригодится.

Как уже говорил, с того момента как у Юльки вернулся муж, наш интим прекратился, я, как

мужик понимающий не затрагивал эту тему, да и Юле теперь было не до наших утех. Но в этот день я возбудился, и ее откровениями, и беструсый видом, что в общем-то было уже не в новинку. К обеду я понял, что все мысли занимает Юлька, эрекция не спадает и член уже зудит от желания. Все это жутко отвлекает и мешает сосредоточиться на дороге, а я вообще-то людей вожу. Пришлось импровизировать, тем более от графика все равно отстали, терять уже было нечего.

Этот отрезок пути пролегал за городом, в лесистой местности и едва очередная остановка скрылась за поворотом, я прижался к обочине, остановился, открыл двери и объявил:

— Уважаемые пассажиры, автобус неисправен, прошу покинуть салон и пересесть в идущий следом сто одиннадцатый. Купленные билеты будут действительны.

Недовольные и бурчащие пассажиры потянулись к выходу. Пришла Юлька, рассеянно плюхнулась на свое кресло и даже не удосужилась одернуть короткую юбку. А я тем временем вышел из салона, открыл моторный отсек, подергал шланги и соединения. Минут через пять подъехал сто одиннадцатый, забрал пассажиров и уехал. Мы остались вдвоём и я вернулся в салон.

— Что случилось? Опять сцепление? — Юля склонилась над отчетными бумагами, заполняя в них какие-то цифры и нервно постукивая подошвой.

А я вспомнил, что она сидит сейчас передо мной без белья и мой молодец начал наливаться силой.

Я достал из-под сиденья те самые утренние Юлины трусики и вытер ими перепачканные руки, не сводя глаз с напарницы.

Затем поднялся и взяв девушку за руку потащил ее в конец салона.

— Ром, ты чего? — удивленная Юлька выронила на пол ведомости и повинуюсь пошла за мной.

Последнее сиденье в самом конце салона было сплошное и являло собой подобие узкого диванчика.

— Хочу тебя! — коротко пояснил я.

— Прям щас?

— Да!

Я усадил ее на тот самый диванчик, присел перед ней на корточки и задрал юбку широко раздвинул ноги. Несколько секунд я любовался ее аккуратной писечкой, гладкой, чуть приоткрытой, с розовыми лепестками. Потом склонился и жадно всосался в эту нежную солоноватую плоть, стараясь проникнуть языком максимально глубоко. Конечно, не скажу, что слишком в этом преуспел, потому через пару минут оральных ласк решил включить в дело более подходящий инструмент. Положив девушку воль сиденья, я закинул ее ноги себе на плечи и примостившись вошел в ее приветливое влагилице. Член словно заскулил от радости — такие ощущения мне передались, когда входил и вынимал его в спешном ритме. В этот день я не заботился об удовольствии Юли, да и сам пошел на этот шаг скорее, чтобы сбить нахлынувшее возбуждение, нежели покувыркаться в блаженных эмоциях. Спустя пару минут цель была достигнута, а раскрасневшаяся норка моей молодой напарницы забрызгана длинными вязким струями.

— Х-ууу-фф! — выдохнул я отстрелявшись. — Хорошо!

Достав из заднего кармана джинсов Юлькины оранжевые трусики, повторил ее утренний жест и кинул их ей на киску.

— Тряпочка нужна?

— Думаю да! Ох-х, что ж за день секса такой сегодня!

Я встал в проходе, оглянулся по окнам в поисках нежелательных свидетелей, но вокруг не было ни души.

Хотел уже убрать молодца в трусы, но Юлька, наспех утерев низа живота, позвала:

— Ром? Подожди, не убирай! Дай оближу.

Когда уже опавшей головки коснулись горячие девичьи губы, она снова начала твердеть, набирая силу. Юлька сочно облизала меня, вытянув из яиц остатки спермы и заключив:

— Ммм! Какой вкусный! — убрала его в брюки, аккуратно застегнув молнию.

Мы с Юлькой только успели в порядок себя привести, как запыхавшийся Михалыч подъехал на УАЗике. Откуда и взялся, мы вроде не сообщали о поломке, может мимо проезжал, а может со сто одиннадцатого по связи сказали.

— Здравов! — протянул он руку. — Ну что тут у вас?

— Да вроде сам шланги подтянул, до базы доберусь, а там механики глянут.

— Ну ладно, значц, ехайте на базу, там Семенову покажешь, пусть диагностику сделает.

— Добро Михалыч, сделаю!

— Ну давайте, мне еще за Исаковский поворот, там тридцать девятый встал. Бля, чтож за день такой сегодня!

Михалыч уехал, я завел исправный вобщем-то автобус и поехал дальше по маршруту.

Конечно, импровизация так себе была, можно было и по ушам за такое получить, но понадеялся, чтона «авось пронесет», так оно и вышло. Смену мы отработали, и даже график удалось нагнать. А в конце смены, уже когда в парк приехали, Юлька мне обалденный минет сделала, проглотила меня до капельки и домой побежала. А там и я к себе пошел, пивка взял по пути. От утреннего поганого настроения и следа не осталось, наоборот поднялось, наладилось.

Больше к интиму мы не возвращались, пока Юлька жила не одна, а как отправила мужа в очередной рейс так пришла в довольно интересном (я бы сказал необычном, но к эпатажной Юльке это слово не никак не подходит) образе. Узкая черная миниюбка, в которой только на ее попку и пялишься, обо всем другом позабыв. Белая полупрозрачная блузка, под которой проглядывался черный бюстгальтер. Были еще туфли на высоких каблуках, но на рабочую смену напарница их передела, по салону в таких туда-сюда не походишь, а то еще и на ногу кому наступит. Ну и макияж соответствующий, темная тушь, ярко красная помада. Вокруг шеи ленточка черная с украшением посередине.

— Траур что ли? — пошутил я.

Но Юлька какая то задумчивая была, не в духе наверное, плечом лишь повела и тихо сказала:

— Поехали.

Так всю смену и молчала, но если бы в дурном настрое была, так бурчала бы и матом всех крыла, а так, прям насторожила меня задумчивостью своей.

Встанет около поручня, что возле первой двери и смотрит на дорогу, так ни разу и не присела.

Обед настал. Приехали на конечную, там у нас был небольшой пятачок, где автобусы разворачивались, или, поставив транспорт в тени деревьевотдыхали между рейсами. Я загнал нашу машину под самые кусты, термос достал, бутерброды.

— Есть будешь?

— Нет. Не хочется.

— Ты чего такая? Не узнаю тебя. Случилось чего? Даже и не присела ни разу.

Юлька вдруг взглянула, и в глазах ее блеснул дьяволенок.

— Потому что.

— Потому что, что? — не понял я.

— Потому что у меня есть кое-что необычное.

— И что?

— Показать?

— Ну, давай! Конечно!

— Пойдем со мной. — Она взяла меня за руку и потащила в конец салона, к тому самому, длинному диванчику. — Садись!

Я, недоумевая сел, но ощутил какое-то предвкушение, затеплилось внизу живота желание. И я не прогадал.

Юлька встала боком и медленно начала приподнимать вдоль бедра тесную юбку. То, что она без трусиков я уже догадался, но сюрпризы на этом не закончились! Оголив попку, она повернулась ко мне спиной и немного прогнулась в пояснице. Между ягодиц у нее блеснул красный самоцвет: прозрачный камень или стекло с огранкой в оправе. — Что это?

— Я ты посмотри, — она сделала шаг назад.

Я попытался вытащить, думая, что этот предмет она просто зажала и держит, но потянув камень на себя понял, что он плотно сидит в самой попке. Такое, признаюсь, я встретил впервые.

Она тут же развернулась, глаза ее возбужденно блестели.

— Что это? — переспросил я.

— Такая игрушка. Тебе понравилось? — говоря все это девушка прямо перед моим лицом ласкала свои губки и раздвинув пальцами их розовые лепестки попросила: — Полижи меня, пожалуйста, тут. Я так возбуждена.

Я обхватил ее ладонями за ягодицы, притянул к себе и провел языком вдоль нежной плоти. Юля вздрогнула и подалась навстречу, издавая протяжный стон.

Я вылизывал ее щелочку, а сам, нащупав странную игрушку, шевелил ей из стороны в сторону, тянул на себя, легонько вдавливал. Все эти манипуляции, судя по Юлькиным эмоциям, придавали остроты ее ощущениям. Тут напарница с силой отстранилась от моего языка, убрала с попки ладони и забралась сбоку от меня на диван, встав на четвереньки и прогнувшись в спине.

— Вытащи ее! — голос девушки дрожал. — Только не спеши. Аккуратно.

Я медленно потянул самоцвет с интересом наблюдая как расширяется розовое кольцо ануса, выпуская из себя хромированную вытянутую сферу. В конце, вытолкнув ттшрушку, анус вновь сжался став меньше в диаметре, наверное, в половину. Я впервые рассматривал эту часть тела и происходящие с ней метаморфозы, да еще и так близко. В этом было нечто запретное для меня, неизведанное, и перевозбужденный член рвался наружу. Я перевел взгляд на игрушку, которую все еще держал в руке. Формой она напоминала клубнику с узким носиком и расширяющаяся к основанию, на котором была прикрепленаручка с самоцветом.

— Это анальная пробка. Ты что, не встречал такие?

— Нет, — отозвался я.

— Какой ты целомудренный. Хочу, чтобы ты трахнул меня в попку. Хочешь?

— Никогда не пробовал.

Юля протянула руку и смазала анус каким-то гелем, сначала снаружи, а затем и внутри, глубоко погрузив в себя пальчик. При этом она прогнулась и застонала.

Я понял, что хочу побывать в эту узенькую неизведанной мною норке своим членом и расстегнул ширинку.

— Смажь только хорошенько своего молодца и вставляй медленно, — Юля протянула мне тюбик. Я выдавил прозрачный гель на член и размазал по головке, ощущая холодок.

Приставив ее к тугой норке, надавил, помогая рукой. Член медленно входил, Юля стонала, но и сама подавалась попойкой навстречу.

Когда головка почти вошла, Юлька отстранилась, член выскользнул.

— Смажь еще, — выдохнула она, — и меня там.

Я, повторяя Юлины движения, обильно смазал вокруг ануса и погрузил в нее палец. Палец вошел гораздо легче.

— Давай еще! — рычала Юля. Я разделял ее спешку, место было не самое лучшее для таких экспериментов, в любое время могли приехать на стоянку другие автобусы, а то и кто из коллег заглянуть в салон, побалакать.

На этот раз член, хоть и с натягом, но вошел более уверенно, почти наполовину. Мы начали потихоньку двигаться, постепенно увеличивая темп.

— Давай, еще! Давай, еще! — шипела она сквозь зубы, помогая себе рукой и неистово теребя клитор. Блузка на ее спине стала мокрой от пота. Когда краем глаза я заметил сворачивающую к нам маршрутку Газель, то сказал об этом коллеге.

— Кончай в меня! Давай. Я уже. Оххх.

Я тоже отстрелялся прямо в попку, спешно застегнулся, помог Юльке подняться с кресла и одернуть юбку. Украдкой бросив взгляд на подъехавшую маршрутку, мы двинулись в начало автобуса. К счастью водитель маршрутки копался под капотом и не обратил на нас внимание.

— Фу-хх, — ну и духота. Юля махала отворотами блузки, пытаясь создать прохладу. Игрушку она убрала в специальный футляр, который положила в свою сумочку. — Я в туалет. Приведу себя в порядок и поедем.

Мы проработали еще с месяц, там и лето прошло, настал сентябрь, на улице тепло было, в футболках ходили. Мы как обычно выехали на маршрут, а у меня с утра чуйка было, словно что-то нехорошее произойти должно. Юля тоже напряженная ходила.

— Ты чего такая смурная?

— Да блин, сегодня у рокеров фестиваль. А у футболистов матч, вон с утра уже гашеные-раскрашенные ходят. Чувствую, к вечеру точно погром устроят.

Я присмотрелся, и правда, часто попадались люди в тематических футболках, с шарфами болельщиков, разукрашенными лицами. Почти все навеселе. А ближе к вечеру и неформалы потянулись, с волосами всех оттенков, в проклепанных куртках и тертых джинсах и с прочими атрибутами. Смена выдалась очень нервной. Трижды приходилось останавливать автобус и высаживать дебоширов и не желающих платить за проезд, обошлось, правда, без кулаков. К концу смены мы были уже на пределе. Особенно Юлька, та вообще дымилась от негодования, еле сдерживалась. Малейшая искра сейчас способна была превратить мою напарницу в бомбу. И эта искра не заставила себя ждать.

Вначале до меня донеслась перепалка Юли с пассажиром:

— Руки убери?

— Я тебя и не трогал.

— Я еще раз говорю, руки убери.

— Да куда я их дену, тут давка такая.

— В карманы засунь!

— А че такая борзая? Охерела что ли?

— Проезд оплачивай!

— А то что?

— А то вылетишь отсюда. Да я тебе говорю, не лапай, руки убрал! Гандон.

— Чо сказала?

— Рома тормози! — закричала Юлька, да я и сам уже понял это, притираясь к обочине и наблюдая в зеркало, как Юлька продирается ко мне, а за ней, распихивая пассажиров протискивается какой-то грузный болельщик. Он бы настиг ее, но его задержали панки в кожаных куртках, одному из которых парень ткнул локтем в ухо.

Там началась заваруха, шум, вопли пассажиров, маты, драка. А Юлька тем временем сунула руку в свою сумку и через секунду (как и умудрилась, тренировалась наверное) на ее пальцах уже блеснул хваленый кастет. Я, открыв все двери и вылезая со своего водительского места заорал:

— Все на выход!

Хотел остановить Юльку, но она уже неслась навстречу своему обидчику, который в суматохе довольно умело раздавал апперкоты панкам.

Я пустился вслед за, чтоб перехватить напарницу, но не успел.

Здоровяк повернулся к ней и Юлька сходу влупила ему с правой, рассекая кастетом бровь. Кровь хлынула ему на лицо, заливая глаза, и болельщик на секунду потерял ориентацию. А Юлька, воспользовавшись заминкой, добавила ему по яйцам. Здоровяк, зажимая окровавленными ладонями лицо грузно осел на пол. Но на этом все не закончилось. Драка продолжалась. Че-то удал вскользь прошел по Юлькиной скуле и она отлетела назад, ударившись спиной о кресла. Я повернулся, чтоб помочь ей подняться, но мне тут же зарядили в ухо, аж в голове зазвенело. Пришлось переключиться на атакующих. Одному я дал прямым в нос, под рукой хрустнули кости. Мне снова прилетело, теперь уже от неформальной девицы когтями по щеке. Раны запекло, засадило, за шиворот потекла кровь. Пора было прекращать этот беспредел. Я схватил эту девицу в охапку и поволок из салона, по пути, мне кто-то пытался подсесть ноги, но вяло и вскользь, потому безуспешно.

Вытащив сопротивляющуюся неформалку, я кинул ее в объятия такого-же парня, пусть сами меж собой разбираются, и снова пошел в автобус. Надо было найти Юлю, оказать ей помощь. Я уже хотел забраться в салон, как кто-то крепко сжал мое плечо. Я, разворачиваясь, замахнулся, но вовремя остановился. Здоровый усатый мужик в майке-тельняшке благодушно улыбался мне, под кожей ходили бугристые бицепсы, а на плече виднелась татуировка десантника.

— Помочь, браток?

— Давай, надо разнять всех и из автобуса к черту.

— Понял.

Я пошел через первую дверь, а десантник через среднюю. Через пару секунд оттуда вылетел фанат футбола, а следом за ним худой волосатый парень с окровавленным ртом. В салоне

Юлька тоже рвалась в гущу событий, но ее, вырывающуюся, держал какой-то мужик лет пятидесяти с седой шевелюрой.

— Да угомонись ты. Угомонись!

Я подошел вплотную и обнял напарницу.

— Все! Все! Успокойся! Все кончено!

Кивнул в знак благодарности седому мужику, оглянулся — салон пустел. Дебоширы покидали его по одному, кто сам, кто с помощью десантника, оставляя после себя погром и лужи крови. За окнами замелькали полицейские сирены. Десантник подошел и похлопал меня по плечу.

— Вроде все. Извини, брат, я сваливаю. С ментами не хочу связываться!

— Спасибо тебе, братишка! — мы крепко пожали друг другу руки.

Я заглянул Юльке в лицо. Выглядела она жутко, губа была разбита и припухла, на скуле краснела ссадина, тушь размазалась вокруг глаз. Благо хоть весь ее пирсинг был на месте, ничего не выдрали во время драки.

Я нащупал ее ладонь и стянул кастет.

— А вот это сейчас будет лишнее. Нам и так проблем хватит.

Я спрятал его, засунувмеждусидений, и мы последними вышли из автобуса.

Самых активных уже арестовывали. Спешно прислали Михалыча со Степаненко забрать разгромленный автобус, а нас отвезли в участок давать показания.

Из участка мы с Юлькой вышли за полночь. Пошли в ларек, взяли водки, и жвачку (сам не знаю почему, деньги на закуску были). Пили прям из горла, как воду и Диролом зажевывали, ничуть не хмелея.

Так молча дошли до меня, я открыл кодовый замок, мы вошли в подъезд. Поднялись на третий этаж, я отворил дверь, включил в прихожей свет, впустил Юлю, захлопнувза ней дверь. С минуту мы смотрели друг на друга. Побитые и окровавленные мы желали друг друга так, как не желали никогда. Это был какой-то животный инстинкт, пир на костях. Наконец, адреналин нашел выход, и мы бросились друг на друга как дикие звери. Разбитая Юлина губа во время поцелуя солонила язык, мы путались в одежде, наспех избавляясь от нее, торопливо стягивали белье. Когда остались совсем голые я приподнял Юльку за бедра, прижал спиной к стене и вошел в нее, а она обхватила меня ногами, переплела их сзади на ягодицах и с каждым моим резким проникновением подавалась навстречу, подталкивая меня пятками. Это был грубый, голодный секс. Мы рычали, кусались и слизывали друг с друга кровь, я с силой впечатывал девушку спиной в бетонную стенку, а она вонзала острые ногти мне в плечи. Оргазм подступил быстро и зная Юлин секрет я не прерывался, и кончил в нее. Она приняла это с благодарной улыбкой и блеском глаз в полумраке. Обессиленные мы рухнули прямо на пол в прихожей и долго лежали так, тесно прижимаясь друг к другу.

Потом я помог Юле подняться, и мы пошли в душ, долго мылись, смывая пот, пыль, кровь и негатив прошедшего дня. Я постелил нам на полу — на тесной тахте вдвоем мы бы не поместились. Из выпивки в холодильнике нашлась только бутылка шампанского с прошлого нового года, а на закуску сыр-косичка. Нам этого было достаточно.

Теперь мы не спеша любили друг друга, ласкали кожу и трепетную плоть, гладили волосы и заглядывали в глаза во время соития. Прерывались, поочередно отхлебывая из бутылки и сменив позу, снова занимались сексом. Это был первый раз, когда не нужно было куда спешить, и мы могли насладиться вдоволь в полной мере. Было много слов в голове, которые

мы никогда не осмелились бы сказать вслух, да они были и не нужны, взгляды в ту ночь были красноречивее всяких слов.

Утром я проснулся по привычке рано, все тело ломило после вчерашней драки, а некоторые места ныли и саднили еще и после ночных приключений. Бесшумно поднялся, сходил на кухню и напился из чайника воды. Когда пришел, Юля еще спала. А я, глядя на нее снова был возбужден. Я медленно стянул с девушки простынь и любовался ее наготой, татуировками, блестящим в сосках пирсингом. Я опустился перед ее бедрами и, раздвинув их в стороны, провел языком по нежной коже вдоль девичьих губ. Юля застонала и я продолжил ласкать ее, слизывая сок и целуя набухшую плоть.

— Я тоже хочу поласкать тебя! — услышал я шёпот девушки. — Иди ко мне.

Мне не хотелось прерывать ее ласку, поэтому я лег валетом и когда сонные губки моей напарницы жадно обхватили головку я вновь склонился над нежными лепестками ее цветка. Войдя в раж, мы снова меняли позы, темп и ритм. Насытившись, перепачкав друг друга соками, мы усталые повалились на подушки и задремали беспокойным сном.

Разбудил телефон, звонил Селиванов. Пропесочил как пацана за отсутствие на работе (хотя сам же вчера отгул дал) и вызвал в автопарк.

Я проводил Юлю до дому, все равно идти было по пути, мы как-то сухо попрощались и наверное там наши пути и разошлись окончательно.

На работе нас вроде как и похвалили, за умелые действия, но и по выговору вlepили, для проформу, так сказать.

Еще пару раз вызывали в полицию. Автобус наш загнали в ремонт, хотя не так уж сильно он пострадал, а мы с Юлькой стали подменными. То на один маршрут, то на другой. Причем вместе больше так и не удалось ни поработать, ни похулиганить.

В октябре Юля уволилась, как потом рассказали коллеги, они с мужем в Питер перебрались на ПМЖ. Даже и попрощаться не удалось. А может оно и ни к чему было.

Я до нового года поработал еще в автобусном парке, но все как-то стало загибаться, конкуренты душили, зарплату задерживать стали, на ремонт техники ничего не выделялось. После новогодних написал заявление и уволился. Помыкался еще на гражданке до весны, но так нигде себя и не нашел. В апреле подал рапорт и снова по контракту служить пошел. С Юлей больше судьба не сводила, но воспоминания о совместной работе на сто девятом у меня остались самые яркие и добрые.

Да и кастет ее теперь при мне. Какая-никакая а все ж память!